

КАБЫЛИНСКИЙ Борис Васильевич — кандидат философских наук, доцент кафедры таможенного администрирования и безопасности Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр-кт, 57; boris_kabylinский@mail.ru)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В КНДР: ОБЩЕСТВО Часть 3

Аннотация. Идеология и военная доктрина северокорейского государства буквально пропитаны конфликтом. Фактически после распада СССР и постсоветского блока страна находится в состоянии войны «всех против всех», поскольку торговых партнеров и надежных союзников у северных корейцев не осталось. Внешнеторговая деятельность КНДР сводится к полулегальным поставкам товаров из Китая. Отрицательная динамика развития внешнеполитических связей, как говорится, налицо и не требует дополнительных комментариев. Возникает вопрос: что представляет собой повседневная культура в максимально изолированной от внешнего мира Северной Корее? Какие формы социального конфликта укоренены в северокорейском обществе?

Ключевые слова: закрытое общество, повседневная культура, социальный конфликт

Общественная жизнь в современных государствах интересует автора преимущественно с позиции исследователя культуры, которую мы определим вслед за Эдмундом Гуссерлем как интерсубъективный мир, существующий для всех и доступный каждому в своих объектах. Соответственно, для проведения культурологического анализа узловых точек конфликтного напряжения в северокорейском обществе необходимо рассмотреть тот самый мир, доступный каждому северному корейцу в своих объектах, т.е. традициях, повседневном укладе и образе жизни.

Наблюдение за повседневным бытом в Пхеньяне и других северокорейских городах приводит к выводу о том, что жизнь в КНДР существует как будто в двух параллельных измерениях: образцовом и реальном. С первых минут пребывания в Пхеньяне начинается своеобразная игра, в ходе которой туриста пытаются убедить в том, что выставленное напоказ образцовое — это и есть настоящее, а реального не существует вовсе. Например, аэропорт в Пхеньяне представляет собой современное сооружение, возведенное в недавнем прошлом. Визуально по масштабам и внутреннему оснащению воздушные ворота в столицу КНДР напоминают международный аэропорт Пулково. К услугам пассажиров магазины беспощинной торговли со вполне стандартным набором алкоголя, VIP-зал для пассажиров бизнес-класса, LCD-телевизоры с онлайн-трансляциями выступлений военно-патриотических ансамблей. Одним словом, перед глазами прибывающих в Пхеньян зарубежных гостей предстает хороший аэропорт, соответствующий международным аналогам в столицах небольших, но зажиточных государств. Единственное, что портит идиллическое восприятие, это электронное табло с номерами прибывающих и убывающих рейсов. Дело в том, что международные авиакомпании не летают в Пхеньян, поэтому в расписании указаны только направления, которые обслуживает национальный авиаперевозчик *Air Koryu*. Северокорейские авиалинии летают только во Владивосток и в несколько китайских городов, поэтому непомерные для КНДР расходы на новый аэропорт очевидно нецелесообразны, поскольку вполне было бы достаточно старого терминала, одиноко стоящего у дороги в столицу за огромным панно с вождями, улыбающимися на фоне самолетов. Взирая на табло в образцовом аэропорту,

прокручиваешь в голове мысли о реалиях перемещений пассажиров по воздуху в КНДР: внутри страны рейсов нет, зато есть пустующий «морально устаревший» терминал; за границу ездят, как правило, организованные группы рабочих-строителей; стюардессы не разговаривают по-английски; все самолеты *Air Koryo* произведены не позднее 1990-х гг. и не соответствуют современным стандартам гражданской авиации.

Яркие примеры несоответствия образцового и реального в Северной Корее также можно почерпнуть в ходе наблюдения за научной деятельностью и сельским хозяйством. Уровень развития науки в Северной Корее невозможно оценить в ходе туристического визита, но опыт работы в российских университетах в качестве преподавателя и административного работника позволяет автору сделать некоторые выводы по итогам посещения Аграрного университета в северокорейском городе Вонсане, позиционируемого в качестве лучшего сельскохозяйственного высшего учебного заведения в стране. В 1948 г. по личной инициативе Ким Ир Сена 16 преподавателей начали обучение первых 300 студентов в этом храме северокорейской науки. По словам экскурсовода, сейчас обучение проходят 3 000 студентов под чутким руководством 450 преподавателей, т.е. на 1 учителя приходится 15 студентов. По статистике, 99% студентов завершают обучение с красным дипломом. Туристам показывают одну лекционную аудиторию с проектором и компьютерной техникой, и лично декан провожает гостей к циклопической теплице стоимостью 200 000 евро, подаренной университету лично Ким Чен Иром. Стоит заметить, что Аграрный университет расположен в центре большой парковой территории и производит приятное впечатление, если бы не одно «но», к которому мы обязательно вернемся после краткой характеристики продемонстрированного принимающей стороной образца сельского хозяйства в КНДР.

Вполне очевидно, что КНДР по уровню развития относится к аграрным странам с крайне неблагоприятным географическим положением. 80% территории страны представляет собой горный ландшафт, непригодный для ведения сельского хозяйства. Эффективное ведение сельского хозяйства на плодородных землях относится к вопросам выживания нации. За пределами Северной Кореи активно обсуждается тема голодания и недоедания среди населения КНДР, поэтому каждого туриста активно стараются в этом разуверить. Во-первых, гостей кормят 3 раза в день так обильно, что после поездки можно набрать пару килограммов. Во-вторых, при наличии времени иностранцы посещают образцово-показательный сельскохозяйственный кооператив. Действительно, в городе Вонсане расположено прекрасное фермерское хозяйство, где хурма плодоносит в количествах, достаточных даже для экспорта, а сушеный рис выложен напоказ, и рабочие не стесняются ходить по нему ногами. Ощущение от визита меняется с положительного на диаметрально противоположное после знакомства с фермерами, хозяйствующими в кооперативе. Свинья, которую содержат ударники труда, такая исхудавшая, что неприглядная реальность сельского быта немедленно выглядывает из-под образцового фасада, потому что немедленно припоминается музейное фото выведенной северокорейскими учеными-аграриями свиньи весом в 300 кг. Увы, таких свиноматок нет даже в лучшем сельскохозяйственном кооперативе страны, а есть только изголодавшийся костлявый поросенок — унылая пародия на свиноводческое достижение из музея лучшего сельскохозяйственного вуза страны. И снова в голове начинает крутиться калейдоскоп мыслей о реалиях северокорейской жизни: даже в Пхеньяне используются ручные тележки; в Аграрном университете не замечено ни одного студента или преподавателя, на работу пришли только гид и декан; даже турист ни разу не вкушает говядины за время пребывания в КНДР; в стране нет полных людей;

непонятно, где работают тысячи выпускников аграрного вуза, если почти вся территория страны покрыта горами.

Итак, на основании приведенных примеров из повседневной культурной жизни северокорейской нации мы фиксируем первую форму конфликтности в КНДР — несовпадение кажущегося и существующего.

Индивидуальный путешественник по Северной Корее постоянно находится под присмотром двух персональных гидов и водителя личного транспортного средства. Специально подготовленные и обученные гиды — практически единственный доступный иностранцу источник получения информации о повседневных реалиях КНДР. Надо сказать, что знание, усваиваемое в ходе экскурсий и разговоров с гидами, имеет определенную специфику. Обращает на себя внимание тот факт, что в Северной Корее, по заверениям гидов, производится почти все — кофе, табак, телевизоры и т.д. На вопрос, где же находится все производство, ответ всегда неизменный: «Там, на севере страны». Кстати, в северной части страны, в лесах вокруг священной для корейцев горы Пэктусан, у подножия которой родился Ким Чен Ир, до сих пор водятся тигры. Еще эти полосатые хищники живут в Пхеньянском зоопарке, но зайти туда гиды не разрешили, потому что был выходной. Вообще автору крепко не везло в Пхеньяне: все интересные заведения, не предусмотренные к посещению в рамках официальной программы, были закрыты на карантин или не работали. В качестве компенсации гиды очень старались рассказывать побольше о местах, которые разрешены к посещению и приветствуются, — Музее подарков трудящихся КНДР великим вождям, сохранившемся в Пхеньяне действующем буддистском монастыре Бохен, Национальной библиотеке, Музее отечественной войны. По итогам рассказов, прослушанных в ходе посещения этих достопримечательностей, выясняется, что Ким Чен Ир был награжден почетными орденами в России и регулярно получал подарки от северных корейцев, добившихся в нашей стране процветания и успеха; в корейской войне США потеряли 1,5 млн солдат; буддизм в Северной Корее процветал еще при Ким Ир Сене, и с тех пор верующих стало только больше; официальные извинения США принесли за всю историю только КНДР в 1968 г., когда северные корейцы взяли в плен команду корабля-шпиона «Пуэбл»; главная библиотека страны распаивает свои двери для 5 000 читателей ежедневно. Специфичность этих и многих других фактов, о которых рассказывают туристам северокорейские гиды, состоит в том, что это ложь. На севере КНДР нет даже дорог, это видно невооруженным глазом из иллюминатора гражданского самолета. В зоопарк стояла очередь из корейских семей с детьми. Подарки Ким Чен Иру подарены российскими бизнесменами, пытавшимися наладить совместное предпринимательство с КНДР. Даже во Второй мировой войне США потеряли не более полумиллиона человек погибшими. Единственный буддист, замеченный автором в КНДР, — якобы служащий в монастыре монах, а на самом деле переодетый гид, который самостоятельно никогда бы не осилил уход за таким масштабным подворьем. За вторжение корабля «Пуэбл» в территориальные воды Северной Кореи извинения приносил даже не главком ВМФ (не говоря уже о президенте США), а никому не известный генерал-майор. В Национальной библиотеке в Пхеньяне не покидает ощущение того, что она закрыта, а немногочисленных посетителей привезли на автобусах для создания иллюзии массового увлечения северных корейцев новейшими и классическими литературными опусами. Итак, вполне очевидно, что вторая форма социального конфликта в КНДР — это тотальная подмена истинного бытия ложным, глубоко укорененная в массовом сознании и культуре.

В заключение автор считает важным уделить внимание пропозиции добра и

зла в северокорейском культурном дискурсе, поскольку третья базовая разновидность социального конфликта фундирована именно в моральной плоскости.

Очень трудно рассуждать о том, что такое добро и зло, особенно когда речь идет о сторонней оценке наблюдателя за происходящим в другой стране. Бесспорно, гордость за победу в войне некой абстрактной страны «А» представляется не добром среди населения проигравшей и поработенной страны «Б». В случае с Северной Кореей добро и зло предстают перед глазами гостя КНДР в виде двух фундаментальных нравственных установок: все, что сделали великие вожди, это добро, а все, что учинили и продолжают творить американские агрессоры, японские империалисты и марионеточное правительство Южной Кореи, — это зло. Спорные вопросы туристов сопровождающие гиды стараются игнорировать, в крайнем случае заявляют, что ничего об этом не знают и даже никогда не берут в голову. Из немногих глобальных бедствий, постигших страну после раздела, официально признается только голод в 90-х гг. XX в. Северные корейцы стараются убедить визитеров в том, что от голода никто не умирал, а репрессий в стране не проводится, хотя на прямой вопрос об участии дяди нынешнего руководителя Чан Сон Тхэка автор все же получил ответ: «Да, он был казнен, потому что выступал против благосостояния народа». При этом все в стране хорошо лишь благодаря личному контролю со стороны вождей. Зону отдыха у маяка в Вонсане открыли потому, что так захотела жена великого вождя Ким Чон Сук. Водопад Улим не ликвидировали строители дороги потому, что так распорядился Ким Чен Ир. Мясо скончавшихся обитателей океанариума раздали пионерам потому, что такую команду дал Ким Чен Ын. В целом в стране все хорошо потому, что указания на каждый случай жизни оставил северным корейцам великий вождь товарищ Ким Ир Сен. Невольно вспоминается Новый Завет: «Истина же и благодать произошли через Иисуса Христа». Представляется справедливым утверждать, что не все доброе произошло в КНДР от великих вождей и не все то добро, что от них произошло. Что касается злой, враждебной по отношению к Северной Корее внешней американо-японской среды, не вызывает сомнений тот факт, что американцы, имеющие военные базы в Южной Корее, и японцы, регулярно наблюдающие пуски ракет, не в восторге от своего беспокойного соседа. Но следует также признать, что поставки вагонов метро из Германии, трамваев из Венгрии, продуктов питания из СССР прекратились потому, что социализм в мировом масштабе потерпел поражение. Не так важно, что эта катастрофа случилась при участии так называемого оплота демократии в мире. Гораздо более принципиально, что усилия по развалу СССР не были нацелены на то, чтобы оставить без союзников страну и армию великого вождя Ким Ир Сена, пусть у северных корейцев и есть другое мнение на этот счет. Причудливая мифологема о добре и зле в КНДР поначалу навеивает легкую грусть по поводу того, как все неладно устроено в Северном королевстве. Постепенно, по мере ежедневного узнавания все новых подробностей о военной и экономической мощи Северной Кореи накапливается возмущение, и в качестве апофеоза приходит резкое отторжение абсурдной имперской идеологии крохотного государства. Именно такое чувство испытал автор статьи после посещения экспозиции советского оружия в Музее гражданской войны в Корее. Минометы, автоматы, пушки, зенитки и даже танк Т-34 выдаются корейцами за свои разработки в почти выигранной войне против объединенных войск агрессоров-империалистов и американской военщины. Разве так нужно по истечении многих лет воспринимать трудовой и военный подвиг советского народа, кормившего и вооружавшего КНДР в течение половины столетия? Свидетельствую по собственному опыту: третья форма социального

конфликта в КНДР происходит от смешения доброго и злого в причудливый симбиоз, в котором очень трудно отличить одно от другого.

За годы учебы на философском факультете автор крепко усвоил, что для ориентирования в жизни нужно уметь различать 3 пары противоположностей: существующее и кажущееся, истину и ложь, добро и зло. Подводя итоги конфликтологической аналитики северокорейского общества и культуры, приходится констатировать, что рядовой гражданин КНДР путается на своем жизненном пути в этих фундаментальных различиях. Соответственно, реалии конфликта внутри страны и за ее пределами подобны пути слепцов, которые не знают света и блуждают во мраке. Время покажет, а история рассудит, не были ли слепцами вожди слепых.

KABYLINSKY Boris Vasil'evich, Cand.Sci. (Philos.), Associate Professor of the Chair of Customs Administration and Security, North-Western Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredniy Ave, V.O., St. Petersburg, Russia, 199178; boris_kabylinский@mail.ru)

POLITICAL CULTURE AND SOCIAL CONFLICT IN KOREA: THE SOCIETY

Part 3

Abstract. *Ideology and the military doctrine of the North Korean state are literally saturated with conflict. In fact, after the collapse of the USSR and former Soviet alignment the country is in a state of war of all against all, because the North Koreans do not have trade partners and reliable allies. The foreign trade activity of the DPRK is reduced to semi-legal supply of goods from China. Negative dynamics of the development of foreign relations is evident and requires no further comment. The question is: what is the everyday culture in North Korea, as much as possible isolated from the outside world? What forms of social conflict are rooted in North Korean society?*

Keywords: *closed society, everyday culture, social conflict*
